Наталья ГАБРИЭЛЯН

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Я сижу под столом в нашей «большой комнате». Отец бреется перед зеркалом, висящим справа от двери, на дверном косяке висит черная бумажная тарелка – радиорепродуктор. Сегодня – воскресенье, мы собираемся в зоопарк, но пока я тихо играю с куклой. На самом же деле напряженно жду конца бритья. Бритье – это целый ритуал. Отец водит по лицу опасной бритвой, он держит себя за кончик носа и помогает языком, закладывая его за щеку, чтобы образовался холмик. Холмик легче сбривать. Я знаю наизусть всю процедуру. Закончив бритьё, он одеколоном пшикает на себя из пульверизатора с шелковым помпоном. Одеколон жжется, папа ухает и делает страшные глаза, растираясь полотенцем. Но вдруг, когда он вешает полотенце, а я бегу надевать ботинки, из репродуктора раздается громкий, строгий голос и объявляет о каком-то нарушении границы. Отец замирает, потом говорит мне: «Зоопарк отменяется, мы едем к нашим на Елисеевский, к дяде Саше и тете Кате! Началась война!». Едем на троллейбусе по Тверской до

Моссовета, а затем идем до Елисеевского переулка. Там все в сборе, тоже около радиоприемника, из которого говорит В.М. Молотов. Я не понимаю ни слова, но вижу, что все встревожены, и у тети Кати почему-то очень красное лицо. Так для меня началась война.

ОТЪЕЗД

Все решено – мы уезжаем! Стоим на платформе: мама, тетя Бела с Сережкой на руках, отец и я. Чемоданы, узлы. Папа какой-то встревоженный, смотрит на нас большими серо-зелеными глазами с явным укором. Он очень взволнован и недоволен, они только что спорили с мамой. Я слышала, как он сказал: «В такое время нужно быть всем вместе!» Мама ответила: «Я увожу детей из-под бомб!»

Недавно мы бежали с ней по Тверской, выла сирена, около бомбоубежища стоял Корней Иванович Чуковский. Мама узнала его, он поторапливал детей и успокаивал родителей. Бомбоубежище было удобное, многие дети принесли игрушки, у одной девочки была маленькая коляска и в ней спала кукла. Такая коляска была моей мечтой.

Обычно мы спускались в наше ближайшее бомбоубежище, под обувным магазином, где пахло резиновыми галошами и были широкие полки, нас укладывали на эти полки спать. Взрослые же сидели внизу, тихо разговаривая.

Мы уезжаем от бомбежек в Куйбышев к родным. Дают уже третий звонок, мы поспешно лезем в вагон. Поезд трогается, отец идет рядом с вагоном, повторяя: «Как приедешь, сразу пиши!» Поезд едет все быстрее, отец ускоряет шаг, но все-таки отстает и машет нам издали рукой, пока не скрывается из виду...

В ЭВАКУАЦИИ

Мы в городе Куйбышеве. Это большой город на Волге, раньше он назывался Самара. В городе еще есть извозчики, что меня здесь поражает и восхищает! Сначала мы живем у родных, все вместе, но позже мы снимаем

комнату рядом, в том же длинном коридоре. Комната большая, но темная, она сообщается с маленькой проходной комнатой наших хозяев. В Куйбышеве я начала нормально засыпать, меня научила жена маминого дяди Сережи, тетя Дина. Она посоветовала мне, закрыв глаза, считать слонов, как будто передо мной идут слоны, и я их считаю. Не знаю, помогли ли слоны или просто я подросла и изменилась, стала спокойнее, к тому же гуляла больше, маленький Сережа много находился на улице и я, конечно, с ним. Мы дышали чистым волжским воздухом, аппетит нагуливал. А накормить нас было тогда непросто, только давай!

В темной комнате мы только ночевали, вещи оставались у наших родных. Про хозяев комнаты ходили слухи, что они самые настоящие воры. Хозяйка – проводник на железной дороге, в первые же дни она сказала маме: « Тут про нас разное болтают, но ты знай, мы у «своих» ничего не берем!»

Это были веселые, неунывающие люди, когда у них было застолье, они приглашали меня, угощали винегретом, селедкой и поили морсом. Научили меня плясать под баян, что я очень полюбила.

Тогда же я подружилась с младшей дочерью хозяйки – Людмилой, она была тихая, болезненная девушка. Когда она недомогала, то, лежа в постели, вырезала мне из картона кукол, для которых кроила из бумаги платья. У меня долго хранились целые кукольные семейства, искусно вырезанные Людой.

Мне запомнились ее волнистые волосы, большие грустные глаза, тихий голос. Я любила сидеть около нее. Иногда она мне читала, но чаще мы играли в куклы.

Она была похожа на бледный, хрупкий цветок, кем-то надломленный и забытый в этой сырой, полутемной комнате....